

— Ноги у вундеркинда коротки!

Когда дежурный евнух увидел меня, четырехлетнего малыша, который из-за своего крошечного роста никак не мог перешагнуть через высокий порог дворцовых ворот, он не удержался и бросил эту фразу.

Я поднял взгляд, небрежно скользнул по нему глазами и тут же звонко, во весь голос парировал:

— Зато порог у Сына Неба высок!

— Ха-ха-ха...

В тот же миг под сводами главного зала раздался чистый и бодрый смех императора Цзин-ди.

Так прошла моя первая встреча с государем, когда я впервые ступил в пределы дворца.

Ранним утром солнце, такое нежное, что, казалось, вот-вот прольется дождем, без остатка заливало каждый уголок Запретного города. Каждое здание словно облачилось в золотое парадное одеяние — торжественное, строгое и ослепительно сияющее.

Отец перенес меня через порог дворца Вэньхуа, но, едва мы вошли, тут же потянул меня за собой, и мы с глухим стуком опустились на колени. Отец громко провозгласил:

— Ваш слуга Ли Чунь с младшим сыном явился пред светлые очи Вашего Величества! Да живет наш император десять тысяч лет, десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

— Вставайте. Ну же, маленький вундеркинд, подходи ближе.

Голос Цзин-ди прозвучал мягко и неторопливо.

Отец слегка подтолкнул меня, и я, робея, шаг за шагом приблизился к императору, восседавшему на троне. Подняв глаза, я увидел, что его взгляд глубокий и ясный, словно горный источник, а в уголках губ затаилась легкая улыбка.

Я поспешно опустил голову и почтительно сложил руки для поклона:

— Приветствую Ваше Величество.

Цзин-ди, очарованный моим видом, в радостном порыве подхватил меня на руки и усадил к

себе на правое колено. Заметив, что отец все еще стоит внизу, он с живым интересом решил испытать меня:

— Сын сидит, отец стоит — подобает ли это по правилам этикета?

Мой мозг лихорадочно заработал, и я, не раздумывая, выпалил:

— Невестка тонет, деверь спасает — это мера вынужденная.

— Ха-ха-ха-ха...

Цзин-ди вновь разразился звонким смехом. В его глазах читалось такое любопытство, что оно, казалось, вот-вот выплеснется наружу. Следом он спросил:

— Как зовут маленького вундеркинда?

— Докладываю Вашему Величеству, меня зовут Ли Чжань, мое детское имя — Чанъань.

— Ли Чанъань... Отличное имя! Слышал я, что ты умеешь выводить иероглифы размером в фут. Правда ли это? Не мог бы ты написать что-нибудь, чтобы порадовать мои глаза?

Я послушно кивнул, спрыгнул с его теплых колен, подошел к столу и, взяв кисть, уверенно и твердо начертил иероглиф Дракон.

Увидев это, Цзин-ди не сдержал похвалы:

— В столь юном возрасте — и такое мастерство! Поистине удивительно. Наградить!

Евнух поблизости тут же распорядился принести и вручить мне казенные ассигнации. Когда деньги оказались в руках у отца, он пришел в неописуемый восторг и поспешил напомнить мне:

— Чанъань, скорее поблагодари!

— Благодарю Ваше Величество за милость, — я поднял голову и одарил Цзин-ди сладкой улыбкой.

В этот момент в зал поспешно вошел другой евнух и громко доложил:

— Докладываю императору, госпожа Хань просит аудиенции.

— Скорее пригласить.

Госпожа Хань, наложница высшего ранга, была первой дамой из гарема, которую я увидел. Она была матерью единственного сына Цзин-ди и пользовалась его наибольшим расположением.

Она вошла в зал легкой, изящной походкой, склонилась перед императором и пропела:

— Ваша служанка приветствует Ваше Величество.

— Любимая наложница, оставь формальности!

Цзин-ди поднялся, спустился по ступеням и заботливо помог ей сесть. Заметив меня, госпожа Хань с любопытством спросила:

— Ой, чей это ребенок?

— Это младший сын Ли Чуня — Ли Чанъань. Не смотри, что он мал, он очень способный. Чанъань, напиши-ка что-нибудь еще для госпожи наложницы! — с улыбкой приказал император.

Я склонил голову набок, раздумывая, какой бы иероглиф выбрать. Глаза блеснули — есть!

Я взял кисть и одним махом вывел иероглиф Феникс.

Госпожа Хань, увидев это, заулыбалась так, что ее глаза превратились в полумесяцы. Она тут же приказала служанкам угостить меня сладостями, не переставая расхваливать мой острый ум.

После этого визита император и его супруга были настолько впечатлены мной, что тут же дали согласие на то, чтобы, когда я подрасту, я мог учиться вместе с другими вундеркиндами в Шуньтяньской столичной академии.

Те вундеркинды, о которых говорил император, были отобраны со всей страны, и их обучением занимались ученые мужи из Академии Ханьлинь.

Я начал обучение в семь лет, а четыре года спустя стал учеником господина Ли Даю. Господин Ли был лучшим выпускником тех лет, и его познания были поистине бездонны. Среди всех учеников он больше всего ценил меня, Лю Ся, Чэнь Иня и Ян Инина.

Однажды я сопровождал господина Ли в Академию Ханьлинь по делам. Пока он занимался службой, мне стало скучно, и я начал бродить по территории. Вдруг я увидел, что у входа в

восточный флигель собралась огромная толпа. Множество студентов вытягивали шеи, пытаясь заглянуть внутрь через окна.

Мне стало любопытно, что же они там высматривают?

— Эй, слышал? Говорят, господин Ло Ци, помощник министра из Сычуани, привез вундеркинда, да такого способного! Господин Гу сейчас как раз его экзаменует.

Кто-то из осведомленных людей прошептал это окружающим.

— Неужели? Если сам глава секретариата проводит экзамен, значит, парень непростой.

— Говорят, его отец — заместитель министра военного ведомства Чэн Синь...

— А что именно спрашивает господин Гу?

— Кажется, велел написать стихотворение на темы Священного праздника и Снега, а также сочинение с толкованием канонов.

Люди переговаривались, и их слова разожгли мое любопытство. Я с трудом пробился сквозь толпу и наконец смог заглянуть внутрь.

Перед столом стоял юноша, такой чистый и прекрасный, словно сошедший с картины. На вид ему было лет двенадцать-тринадцать.

Его брови напоминали далекие горы, подернутые дымкой, а глаза сияли, как осенние воды; переносица была изящной, а губы — словно тронутые киноварью. Кожа, белая, как нефрит, отливала легким румянцем, напоминая распускающийся персиковый цвет.

Он был высок и строен, словно молодой бамбук, и от него веяло утонченностью. В каждом его жесте чувствовалась такая уверенность и спокойствие, что взгляд невозможно было отвести. Волосы были собраны в высокий узел, а лента украшена мерцающими жемчужинами. На нем был дорогой шелковый халат, на поясе — золотой шнур, нефритовые подвески и ароматный мешочек; сразу было видно — отпрыск знатного дома.

Он почтительно передал написанные стихи и эссе Гу Сяню.

Глава секретариата, прочитав их, одобрительно закивал:

— Юный Мэнхуэй, твой слог великолепен, а мысли глубоки! Поистине редкий талант!

— Благодарю господина Гу за высокую оценку, — юноша улыбнулся и отвесил поклон.

— Желаешь ли ты остаться в Пекине для обучения? — спросил Гу Сянь.

— Ученик, конечно, желает! — не раздумывая, ответил он.

— Хорошо, тогда оставайся здесь. Все расходы возьмет на себя Академия Ханьлинъ, я велю назначить тебе лучших наставников! — Гу Сянь смотрел на этого одаренного юношу с нескрываемым восхищением.

Я стоял снаружи и чувствовал жгучую зависть. Как же это здорово — заслужить такую похвалу от самого главы секретариата!

Глядя на его уверенную улыбку, я невольно и сам слегка улыбнулся.

<http://bllate.org/book/20746/2079818>